

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящий перевод сделан по первому изданию “Феноменологии духа” (Bamberg und Würzburg bei J.A. Göbhardt, 1807), за исключением первых листов “Предисловия”, которое Гегель успел прокорректировать для второго издания (1832 г.). Тщательно отредактированный Георгом Лассеном текст – 1-е изд. 1907 г. (по счету пятое) и его же 2-е изд. 1921 г. – служил для переводчика вспомогательными материалом. Приложенные к изданию Лассона “разночтения” первых трех изданий (третье издание 1841 г., как и второе, под ред. И. Шульце; четвертое под ред. Болланда, воспроизводит текст второго издания) дают возможность принимать во внимание редакционные изменения, внесенные во второе и третье издания Шульце. Лучшим свидетельством в пользу авторитетности первого издания служит то обстоятельство, что Лассон, принявший в своем первом издании много поправок Шульце, в издании 1921 г. отказывается почти от всех отступлений от текста 1807 г. Собственные конъектуры и поправки Лассона также приняты во внимание.

Издание Лассона снабжено детализирующими заголовками параграфов. Так как они облегчают пользование текстом, они воспроизводятся в нашем переводе¹. Как текст, не принадлежащий самому Гегелю, эти заголовки заключены в квадратные скобки.

“Феноменология духа” считается одним из труднейших, если не самым трудным для понимания произведением философской литературы. В основном трудность и запутанность изложения “Феноменологии духа” проистекают из того, что, поскольку в ней всякое более высокое формирование сознания повторяет и включает в качестве моментов диалектические ступени предшествовавших стадий и формований, постольку Гегель старается провести и некоторое повторяющееся единство словесного выражения. Этот формализм приводит к тому, что, например, терминология, ясная в применении к одной стадии, на другой превращается в сплошное иносказание. Конкретному историческому приурочению того или иного момента Гегель помогает иногда лишь вскользь упомянутым термином, специфическим выражением или скрытой цитатой. Догадки, основанные на знании истории культуры и философии, сплошь и рядом не достигают цели.

Перевод – не комментарий; и трудности, которые пришлось преодолевать переводчику, – особого рода. Прежде всего самый язык Гегеля, даже в устной речи шокировавший Шиллера и Гёте. Но, несмотря

---

¹ В первом издании “Предисловие” разбито на параграфы. Названия их помещены перед текстом “Предисловия”. Они нами даны в содержании. – *Ред.*

на своеобразную лексику, небрежную конструкцию, стилистически причудливые обороты и сбивающие с толку повторения местоимений, – это язык заметно яркого стиля: тяжеловесный и в то же время выпрєнный, архаический по составу и смысловому значению слов, вдруг прерываемый метким афоризмом, смелым сочетанием слов и почти публицистической риторикой. Но все же в целом трудности перевода с этой стороны не непреодолимы.

Серьезнее затруднения терминологические. Имеется сообщение, будто Гегель собирался написать “Феноменологию духа”, не пользуясь латинской и греческой терминологией; он отказался от этой мысли, но некоторые исследователи тем не менее хотят видеть отражение этого намерения в обилии онемеченных терминов в этом произведении Гегеля. Верен или неверен указанный биографический факт, но последнее наблюдение не подлежит сомнению, и поскольку это свидетельствует о намерении Гегеля, оно обязывает переводчика глубже вдуматься в смысл этого намерения. Прежде всего нельзя не заметить, что эта особенность терминологии Гегеля присуща вовсе не одной только “Феноменологии духа”. Далее, немецкие термины у Гегеля частью – оригинальные, его собственные термины, частью – традиционные термины докантовской, т.е. преимущественно вольфовской философии, наряду с которыми, однако, свободно удерживается латинская терминология Спинозы. Но зато можно заметить, что, Гегель, формулируя собственные мысли, избегает латинской терминологии субъективного идеализма, с которым он боролся. Отсюда вытекают некоторые указания для переводчика. Немецкая терминология Вольфа частично сама была взята из общенемецкого литературного и разговорного языка, частично же, будучи первоначально искусственной, ко времени Гегеля вошла в общее литературное употребление. Так как ничего похожего в развитии русской философской терминологии не было, а для нас остается более привычной и более понятной латинская терминология, то было бы простым педантизмом изобретать русифицированную терминологию параллельно немецкой гегелевской или вводить ломаные русские слова там, где традиция не укрепилась или вовсе молчит. Гегель сам однажды (в “Предисловии” ко второму изданию “Науки логики”) высказался в том смысле, что не пользоваться словами, заимствованными из чужих языков и получившими в философии право гражданства, было бы неуместным “аффектированным пуризмом” (кстати, для иллюстрации – два латинизма). Иное дело – немецкие термины, которыми пользовался Гегель, намеренно противопоставляя их терминологии Канта и Фихте. Здесь необходимо тщательно следить за тем, чтобы на место гегелевского не подставить такого термина, от которого Гегель отталкивался. Прочной традиции и согласованного единства в употреблении такого рода терминов у нас не существует. Даже некоторые условно принятые термины и более или менее подходящие в других контекстах оказались непригодными в “Феноменологии духа”. Дело в том, что упомянутое выше упорство Гегеля в проведении формально-общего термина